

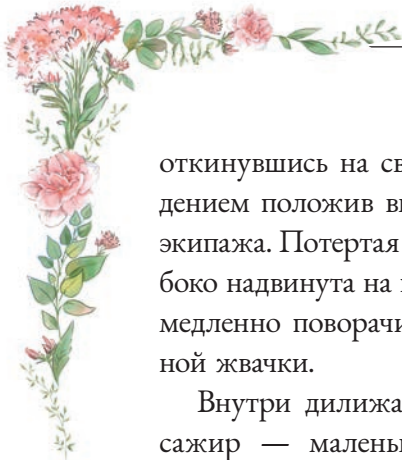

Глава первая
«Нас семеро»

Старый почтовый дилижанс с грохотом катил по пыльной дороге из Мейплвуда в Риверборо. Была середина мая, но день выдался по-летнему жаркий, и мистер Джеримайя Кобб вынужден был щадить лошадей, насколько позволяло ему то обстоятельство, что вез он срочную почту. Подъемов и спусков на дороге было немало, но вожжи провисли в его руках, а сам он лениво развалился,

откинувшись на своем сиденье и с наслаждением положив вытянутую ногу на щиток экипажа. Потертая фетровая шляпа была глубоко надвинута на глаза, а за левой щекой он медленно поворачивал языком кусок табачной жвачки.

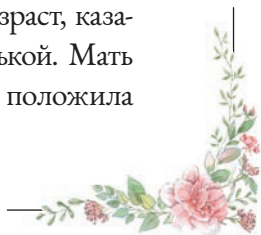
Внутри дилижанса был лишь один пассажир — маленькая темноволосая особа в желтовато-коричневом ситцевом платье и нитяных перчатках. Она была такой тоненькой и легкой, а ее сильно накрахмаленное платье таким скользким, что бедняжка ездил туда и сюда на кожаных подушках, несмотря на то что изо всех сил упиралась ногами в сиденье напротив и вытягивала руки в стороны, чтобы сохранить хоть какое-то равновесие. Но каждый раз, когда колеса чуть глубже ныряли в колею или неожиданно подсакивали, наехав на камень, она невольно взлетала в воздух и, снова упав на сиденье, поправляла съехавшую на нос забавную соломенную шляпку и поднимала с пола или просто получше устраивала рядом с собой маленький розовый зонтик. Этот зонтик был, по-видимому, главным предметом ее забот, если не считать бисерного кошелечка, в который она заглядывала всякий раз, когда это

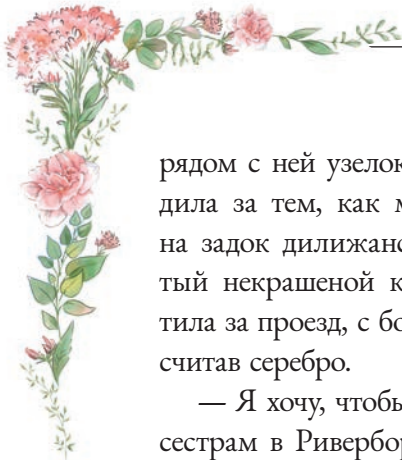

позволяло состояние дороги, явно находя большое удовлетворение в том, что ценное его содержимое не исчезло и даже не уменьшилось. Мистер Кобб абсолютно не догадывался о столь изнурительных обстоятельствах путешествия внутри дилижанса: дело возницы — доставлять людей к месту назначения, и из этого совсем не следует, что он обязан обеспечивать им в пути удобства. Сказать по правде, мистер Кобб забыл о самом существовании своей ничем не примечательной маленькой пассажирки.

Когда в это утро он собирался выехать с почты в Мейплвуде, из остановившейся неподалеку брички вышла женщина и, подойдя к нему, осведомилась, действительно ли это почтовый дилижанс из Риверборо и действительно ли перед ней мистер Кобб. Получив утвердительный ответ, она кивком головы позвала девочку, которая, сидя в бричке, с нетерпением ожидала этого сигнала и бросилась к матери бегом, словно боясь хоть на мгновение опоздать. Можно было предположить, что ей лет десять или одиннадцать, но, каков бы ни был ее возраст, казалась она для него слишком маленькой. Мать помогла ей влезть в дилижанс, положила

рядом с ней узелок и букет сирени, проследила за тем, как мистер Кобб привязывал на задок дилижанса старый сундучок, обитый некрашеной кожей, и, наконец, заплатила за проезд, с большой тщательностью отсчитав серебро.

— Я хочу, чтобы вы доставили ее к моим сестрам в Риверборо, — сказала она. — Вы знаете Миранду и Джейн Сойер? Они живут в кирпичном доме.

Бог ты мой, да он знал их так хорошо, как если б сам был одной из них!

— Так вот, она едет к ним. Они ее ждут. Будьте добры, приглядите за ней в дороге. А то она может заболтаться с кем-нибудь на остановке и отстать или прихватить кого-нибудь с собой для компании... До свидания, Ребекка, постарайся ничего не натворить и сиди смирно, чтобы, когда приедешь, была чистой и опрятной. И не доставляй лишних хлопот мистеру Коббу... Боюсь, она порядком возбуждена. Вчера мы приехали на поезде из Темперанса, ночевали на ферме у моей двоюродной сестры, а сегодня от нее добирались сюда в бричке — восемь миль¹ пути.

¹ Миля — мера расстояния чуть больше чем полтора километра.

— До свидания, мама, не беспокойся. Ты же знаешь, я не первый раз путешествую.

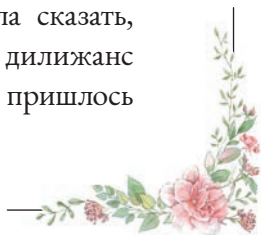
Женщина засмеялась и, снова обращаясь к мистеру Коббу, пояснила:

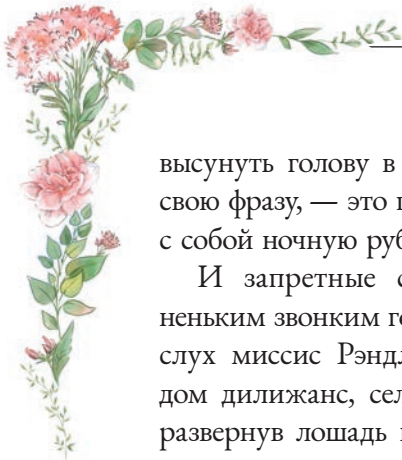
— Она была один раз в Уэйрхеме и ночевала там; не такая это поездка, чтобы называть ее путешествием!

— Это было путешествие, мама, — горячо возразила девочка. — Ведь мы ушли с фермы, завтрак у нас был с собой в корзинке, и мы ехали немножко на лошади, а немножко на поезде и брали с собой ночные рубашки.

— Если и брали, то ни к чему сообщать об этом целой деревне, — сказала мать, прерывая воспоминания опытной путешественницы. — Разве я не говорила тебе, — шепнула она в последней попытке навести дисциплину, — что нельзя громко говорить о ночных рубашках, чулках... и прочих подобных вещах, особенно когда кругом мужчины?

— Я знаю, мама, знаю, и не буду. Я только хотела сказать... — здесь мистер Кобб щелкнул языком, хлестнул вожжами, и лошади степенно тронулись в свой ежедневный путь, — я только хотела сказать, что это путешествие, когда... — дилижанс уже ехал по дороге, и Ребекке пришлось

высунуть голову в дверцу, чтобы закончить свою фразу, — это путешествие, когда берешь с собой ночную рубашку!

И запретные слова, выкрикнутые тоненьким звонким голоском, вновь оскорбили слух миссис Рэндл. Она проводила взглядом дилижанс, села в свою бричку и, уже развернув лошадь в обратном направлении, на мгновение привстала на ноги, прикрыла глаза рукой от солнца и взглянула на клубившееся вдали облачко пыли.

«Хлопот у Миранды будет полон рот, — подумала она, — но я ничуть не удивлюсь, если ей все-таки удастся сделать из Ребекки человека».

Все это было полчаса назад, и солнце, жара, пыль, а также раздумья о различных поручениях, которые нужно было исполнить в таком крупном центре местной деловой жизни, как Милтаун, совсем усыпили и без того не отличавшегося живостью ума мистера Кобба, так что он полностью забыл о своем обещании приглядывать за Ребеккой.

Неожиданно среди грохота и дребезжания колес и скрипа упряжи ему почудился тоненький голосок. Сначала он подумал, что это сверчок, древесная лягушка или птичка, но затем, определив, откуда идет звук,

бросил взгляд через плечо и увидел маленькую фигурку, высунувшуюся в окошко дилижанса настолько, насколько это можно было сделать, не подвергая себя риску вывалиться из экипажа. Длинная черная коса раскачивалась в такт движению дилижанса, в одной руке девочка держала шляпу, а в другой свой маленький зонтик, делая безуспешные попытки дотянуться им до возницы.

— Мистер Кобб, я хочу вам кое-что сказать! — кричала она.

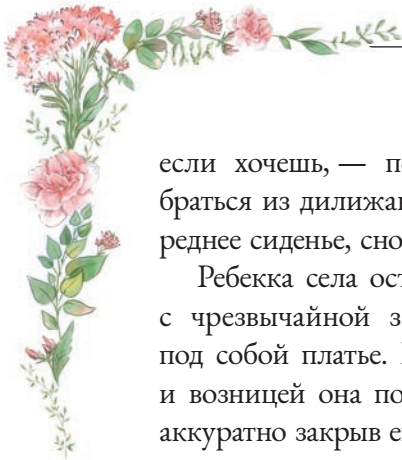
Мистер Кобб послушно натянул поводья.

— Скажите, а ехать наверху с вами намного дороже? — спросила она. — Здесь, внутри, такие скользкие сиденья и так жарко. И карета слишком большая для меня! Меня так в ней швыряет, что скоро я вся буду в синяках. А окна такие маленькие, что ничего не видно целиком, а когда я хочу поглядеть, не свалился ли с задка сундучок, мне приходится почти вывихивать шею. Это мамин сундучок, и она очень им дорожит.

Мистер Кобб подождал, пока этот поток слов или, выражаясь точнее, эта лавина критических замечаний иссякла, а затем сказал шутливо:

— Дополнительная плата за право сидеть рядом со мной не взимается. Влезай наверх,

если хочешь, — после чего помог ей выбраться из дилижанса и, «вознеся» ее на переднее сиденье, снова занял свое место.

Ребекка села осторожно, предварительно с чрезвычайной заботливостью расправив под собой платье. На сиденье между собой и возницей она положила розовый зонтик, аккуратно закрыв его складками платья. Сделав все это, она сдвинула шляпу на затылок, подтянула заштопанные нитяные перчатки и радостно сказала:

— Вот так-то лучше! Похоже на путешествие! Теперь я настоящая пассажирка, а там, внутри, я чувствовала себя как наша наседка, когда мы запираем ее в курятнике. Я надеюсь, нам предстоит долгий путь.

— О, он еще только начался, — отвечал мистер Кобб добродушно, — а ехать нам целых два часа.

— Всего только два часа! — Она вздохнула. — Это будет половина второго. Мама к тому времени вернется к кузине Энн, а дома уже пообедают, и Ханна уберет со стола. Я позавтракала, потому что мама сказала, что это будет плохое начало — явиться к тетям голодной и заставлять их первым делом накрывать для меня на стол... Отличный, похоже, будет день, правда?

— Это точно; пожалуй, слишком жарко, слишком. Почему ты не раскроешь свой зонтик?

Она еще глубже задвинула упомянутый предмет под складки своего платья и сказала:

— Ах, что вы! Я никогда не раскрываю его, когда солнце светит. Понимаете, розовое ужасно выгорает, поэтому я хожу под ним только на молитвенные собрания и только по пасмурным воскресеньям. Иногда солнце неожиданно прорывается из-за туч, и тогда мне приходится как можно скорее его сворачивать. Это для меня самая дорогая в жизни вещь, но требует ужасных забот.

В этот момент в неповоротливом уме мистера Джеримайи Кобба начала зарождаться мысль о том, что птичка, сидящая на жердочке рядом с ним, совсем не того полета, каких он привык встречать во время своих ежедневных поездок. Он положил свой кнут в предназначенное для него углубление рядом с сиденьем, снял ногу со щитка, сдвинул шляпу на затылок, выплюнул на дорогу табачную жвачку и, устранив таким образом все препятствия для умственной деятельности, в первый раз внимательно посмотрел на свою пассажирку — она встретила его

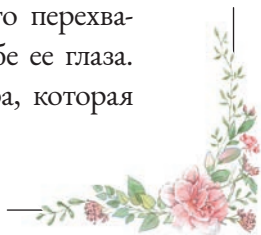

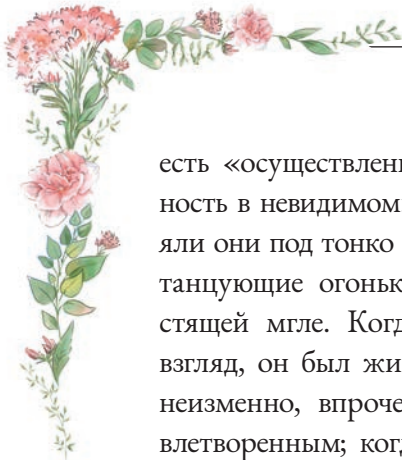

взгляд серьезно, с детской доверчивостью и дружелюбным интересом.

Желтовато-коричневое ситцевое платье было заметно полинявшим, но безупречно чистым и накрахмаленным до невозможности. Из маленького стоячего воротничка торчала смуглая и худая шея, а голова казалась слишком маленькой для тяжелой и толстой косы, свисавшей до самой талии. Странная маленькая шляпка из белой итальянской соломки с козырьком могла быть либо последней новинкой детской моды, либо каким-то старинным головным убором, подновленным по необходимости. Шляпку украшала коричневая лента и нечто, напоминавшее пучок черных и оранжевых иголок дикобраза, висевший, или, лучше сказать, щетинившийся, над одним ухом, придавая обладательнице шляпки самый диковинный и необычный вид. Лицо у девочки было бледное, с четко очерченным овалом. Что же касается отдельных черт, то их у нее было, вероятно, не меньше, чем у других, но взгляд мистера Кобба не смог проследовать до носа, лба или подбородка, ибо на этом пути его перехватили и накрепко приковали к себе ее глаза. Глаза у Ребекки были словно вера, которая

есть «осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом»¹. Словно две звезды, сияли они под тонко очерченными бровями — танцующие огоньки, вспыхивающие в блестящей мгле. Когда она бросала быстрый взгляд, он был живым и полным интереса, неизменно, впрочем, остававшегося неудовлетворенным; когда же она смотрела пристально, глаза казались сверкающими и таинственными и создавалось впечатление, что смотрит она прямо сквозь внешнее и очевидное на что-то, лежащее за ним, — внутрь предмета, пейзажа, внутри вас. Им никогда нельзя было найти объяснения, этим глазам Ребекки. Школьный учитель и священник в Темперансе пытались сделать это, но потерпели неудачу; молодая художница, приехавшая на лето с целью сделать эскизы старинной красной конюшни, полуразрушенной мельницы и моста, кончила тем, что, забыв обо всех местных красотах, целиком предалась изображению лица девочки — маленького, некрасивого, но озаренного сиянием глаз, полных таких откровений, глаз, наводящих на такие размышления и говорящих

¹ Библия. Послание к евреям, гл. 11, стих 1.

о такой дремлющей внутренней силе и проницательности, что никто никогда не уставал глядеть в их сверкающие глубины и воображать, что все, что он видит там, есть отражение его собственных мыслей.

Мистер Кобб не делал подобных обобщений; его наблюдения, сообщенные в тот вечер жене, сводились к тому, что своим взглядом девочка «прямо-таки ошарашивает».

— Мисс Росс — она художница — подарила мне этот зонтик, — сказала Ребекка, после того как, обменявшись долгим взглядом с мистером Коббом, хорошо запомнила его лицо. — Вы заметили эти двойные сборки на ткани? А шпиль и ручку? Они из слоновой кости. Ручка исцарапана, видите? Это потому, что Фанни сосала и грызла ее во время молитвенного собрания, когда я не видела. С тех пор я не могу относиться к Фанни по-прежнему.

— Фанни — твоя сестра?

— Да, одна из сестер.

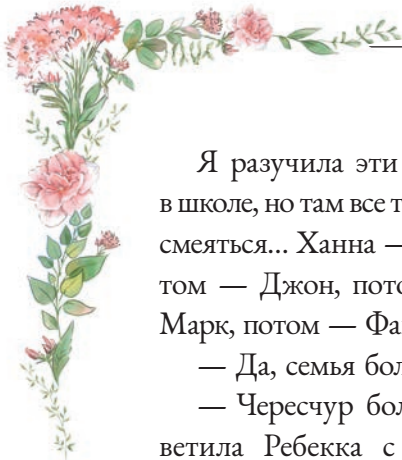
— Сколько же вас всего?

— Семеро. Знаете стихи о семье, в которой семеро детей? Там есть такие слова —

Ответ ее был скор и тверд:

«Нас семеро, милорд!»

Я разучила эти стихи¹, чтобы прочитать в школе, но там все такие противные: они стали смеяться... Ханна — старшая, потом — я, потом — Джон, потом — Дженни, потом — Марк, потом — Фанни, потом — Мира.

— Да, семья большая!

— Чересчур большая, все говорят, — ответила Ребекка с неожиданной и совершенно взрослой откровенностью, побудив тем самым мистера Кобба пробормотать: «Ого!» — и заложить за левую щеку новый кусок жвачки.

— Дети, конечно, милые, но столько с ними хлопот, да и прокормить их дорого, сами понимаете, — продолжал журчащий голосок. — Мы с Ханной только и делали, что укладывали малышей спать по вечерам и поднимали по утрам, и так — целую вечность. Единственное утешение — что теперь все это кончилось; и мы чудесно заживем, когда все вырастем и закладная на ферму будет выкуплена.

— Все кончилось? А, ты хочешь сказать, что ты уехала.

¹ «Нас семеро» (1820) — стихотворение английского поэта Уильяма Вордсворта (1770–1850).

— Нет, я хочу сказать, что дети кончились, — наша семья больше не будет расти. Мама так говорит, а она всегда держит слово. После Миры никого не было, а ей уже три года. Она родилась в тот самый день, когда папа умер. Тетя Миранда хотела, чтобы в Риверборо приехала не я, а Ханна, но мама не может обойтись без нее. У нее больше способностей к хозяйственным делам, чем у меня, то есть у Ханны их больше. Я сказала маме вчера вечером, что, если, пока меня не будет дома, появятся еще дети, то придется за мной посылать, потому что когда есть младенец, то для ухода за ним нужны мы обе с Ханной, ведь маме надо готовить еду, да еще и ферма...

— О, ты живешь на ферме, вот как? Где же это? Рядом с Мейплвудом, где ты села в мой дилижанс?

— Рядом? Ну нет; я думаю, за тысячи миль. Из Темперанса мы ехали на поезде, а потом очень долго в экипаже к кухне Энн и у нее ночевали. Потом мы встали и еще ехали в бричке до Мейплвуда, чтобы посадить меня в ваш почтовый дилижанс. Наша ферма от всего далеко, только школа и молитвенный дом близко, в Темперансе,

